

Российская академия наук
Институт восточных рукописей

Розенберговский сборник
Востоковедные исследования и материалы

Санкт-Петербург
2014

Печатается по решению Учёного совета ИВР РАН

Рецензенты:

доктор филологических наук И.В. Кульганек
доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

ББК 86.39
Р64

Р64 Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. Т.В. Ермакова; Институт восточных рукописей РАН. — СПб.: Издательство А. Голода, 2014. — 524 с. ISBN 978-5-94974-066-8

Сборник состоит из четырёх разделов: «Буддологические исследования», «Традиционные идеологии Востока», «Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика», «История востоковедения». Статьи, размещённые в первых трёх разделах, отражают промежуточные итоги и результаты исследований письменных памятников. В последнем разделе представлены комментированные публикации материалов из Архива востоковедов ИВР РАН и статьи об истории коллекций Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН.

ISBN 978-5-94974-066-8

© Институт восточных рукописей РАН, 2014
© Авторы публикаций, 2014

Содержание

Введение. Письменные памятники и дискурс о Востоке в зеркале современных российских исследований	10
--	----

Буддологические исследования

Е.П.Островская. С.Ф. Ольденбург — организатор и методолог отечественной буддологической школы	22
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма первое — седьмое). Перевод с японского языка, комментарий, предисловие В. Ю. Климова	39
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма восьмое— пятнадцатое). Перевод с японского языка, комментарий В.Ю. Климова	76
А. В. Зорин. Антишиваитские мотивы в апологетических буддийских гимнах	104
П.Д. Ленков. О буддийском влиянии на даосскую мысль в позднесредневековом Китае: концепция «двух видов препятствий» в тексте «Лун мэнь синь фа»	118
П. Д. Ленков. Традиционные буддийские и даосские психофизические практики в Китае: перспективы антропологического подхода	131
С. Ю. Рыженков. Письменные памятники из Дуньхуана: буддийский канон	138
Е.А. Кий. Основные источники для изучения редкой иконографической формы Манджушри	144
И.С. Гуревич. Роль письменных буддийских источников для исследований в области исторической грамматики	155
Е. Ю. Харькова. Монастыри как часть буддийского сакрального ландшафта	168
Е.Ю.Харькова. Сакральный ландшафт в буддийской агиографии и «повествованиях о святых местах»	174

Традиционные идеологии Востока

- С.Л.Бурмистров.** Структура аргументации в первой части
Upadeśa-sāhasrī Шанкары 182
- С.Л. Бурмистров.** Религиозное сознание и понятие границы
в философии Рамануджи и Мадхвы 194
- Е.В.Столярова.** Титулы эпического Вишну
(анализ имён и практики их рецитации) 211
- Трактат «Шаттримшаттаттва-сандоха» Амритананды
с «Вивараной» Раджанакананды. Перевод с санскрита,
исследование, комментарии **В.П. Иванова** 219
- С.Х. Шомахмадов.** Эпитет аджиты («Непобедимый»)
в индийской религиозной традиции 240
- М.Ю. Ульянов.** Структура «комментирующего комплекса»
Чуньцю Цзочжуань («Комментарий Цзо к Чуньцю»):
соотношение «исторического» и «каноноведческого» 248
- Г.С. Попова.** Шуцзин («Канон [исторических] документов»)
в I тыс. до н.э.: запись, передача и канонизации 271
- М.С. Целуйко.** «Пояснительные сочинения» как жанр памятников
общественной мысли периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.):
о сопоставлении формы текстов эпиграфического
сочинения Хэ Лу и фрагмента традиционного памятника
антологического характера Го юй («Речи царств») 287
- А.С. Рысаков.** Ритуал совершеннолетия согласно
каноническому тексту И ли «Церемонии и ритуалы» 297
- Е.А. Островская, А.Ф. Горбачева.** Ислам как традиционная
религиозная идеология 313

Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика

- Д.В. Возчиков.** Религии Индии и Юго-Восточной Азии
в отчёте венецианского путешественника Никколо Конти 336
- Д.В. Возчиков.** Философы или жрецы? Брахманы в описании
венецианского путешественника Никколо Конти 347

Л.Б. Четыррова. Имение князей Тюменей в межкультурном ландшафте (по материалам письменных источников)	353
С.Д. Серебряный. О.О. Розенберг и судьбы российских японистов его поколения	365
А.С. Колесников, Ю.Н. Стрижак. Проблемы власти и политики в воззрениях кн. Э.Э. Ухтомского	377
П.И. Рысакова. Глобальное и локальное в восточно-азиатской социологии образования	395
Е.А. Островская. Россия и Китай в Центральной Азии: в поисках консенсуса	410

История востоковедения

С.Л. Бурмистров. Востоковедное наследие Генри Томаса Колбрука ...	416
В.П. и А.П. Шнейдер. Воспоминания о Минаеве Иване Павловиче. Предисловие, примечания, подготовка к публикации Т.В. Ермаковой	431
А.В. Зорин. М.И. Тубянский и Тибетский фонд Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР	450
Архивные материалы к биографии и деятельности М.И. Тубянского. Предисловие, примечания, подготовка к публикации М.Н. Кожевниковой	457
М.И. Воробьева-Десятовская. Языки и типы письма как аспект изучения буддийской коллекции индийского фонда ИВР РАН	491
Е.П. Островская. Буддийское рукописное историко-документальное наследие северной и северо-западной Индии в составе индийского фонда ИВР РАН	509
Об авторах	522

Архивные материалы к биографии и деятельности М.И. Тубянского

Предисловие, примечания, подготовка к публикации М.Н. Кожевниковой

Публикуемые архивные материалы из Архива востоковедов ИВР РАН и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (письма М.И. Тубянского к Р.И. Шейнман, акад. Ф.И. Щербатскому, акад. С.Ф. Ольденбургу) охватывают три периода его биографии: учёба в университете; переводческая, преподавательская, исследовательская деятельность в Петрограде-Ленинграде; деятельность в Монголии до 1936 г. и последний год жизни в Ленинграде. Данная подборка писем позволяет более объёмно представить личность учёного и круг его научных интересов.

Ключевые слова: История востоковедения, Архив востоковедов ИВР РАН, М.И. Тубянский, Ф.И. Щербатской, С.Ф. Ольденбург.

Михаил Израилевич Тубянский (1893—1937), востоковед, буддолог, известен как активный участник научной буддологической школы академика Ф.И. Щербатского и как автор около 20 опубликованных работ и, судя по ряду свидетельств, подготовленных в Монголии в последние годы жизни ещё нескольких важных переводов и исследований, пропавших в связи с арестом учёного. Жизнь и деятельность М.И. Тубянского включает три периода, которые могут быть представлены некоторыми сохранившимися в петербургских архивах документами — прежде всего, его письмами¹. Во-первых, это период растянувшегося курса учёбы в Санкт-Петербургском университете: 1911—1919 гг. Второй период связан с его переводческой, преподавательской, исследовательской деятельностью в Петрограде—Ленинграде: 1920—1927 гг. И, наконец, последний период — 1927—1936 гг.: это его жизнь и деятельность в Монголии до 1936 г. и 1937й год в Ленинграде до ареста и расстрела.

1911—1919 гг. Начав учиться в Санкт-Петербургском университете на физико-математическом факультете, М.И. Тубянский на 3-м курсе включил в число

¹ Работа по изучению архивов М.И. Тубянского велась в рамках проекта РГНФ № 07-03-00583а «История становления, теоретические позиции, методология исследований буддологической школы академика Ф.И. Щербатского в первой половине XX в. Влияние времени, культуры, имевшейся научной парадигмы и менталитета самих учёных на начало изучения и интерпретацию буддизма индо-тибетской традиции» (рук. А.И. Андреев).

изучаемых предметов ещё еврейский язык, санскрит, историю философии и логику. К 1917—1918 гг. у него определились глубокий интерес к философии и востоковедческое призвание. Также Тубянского как еврея значительно волновала проблема положения евреев в России, судьба еврейского народа и его культуры и, в целом, национальные вопросы, что определило его участие в сионистском движении.

Зарождение и развитие научных интересов и формирование личности М.И. Тубянского прослеживается по его юношеской переписке с Раисой Шейнман, его будущей женой (Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 53. Оп. 2, д. 40. Письма М.И. Тубянского к Р.И. Шейнман). Из всех многочисленных писем здесь представлены письма и избранные фрагменты, отражающие наиболее значимые темы размышлений и переживаний молодого Тубянского.

1914 г.

Раечка, у нас все ушли и я совершенно один в квартире. Мне лучше не думать, что я один, так как мне очень тяжело такое полное одиночество. Не знаю, писать ли мне тебе или читать Канта или думать о себе. <...>

Я живу в общем так, как затворник; если и бываю на людях, то один. Днём я меньше чувствую себя, например, в Университете, так как идеи отчасти заменяют мне жизнь, но все идеи существуют из недостатка в жизни, ждут осуществления. Холодно в царстве идей, как на горных вершинах. Вечерами душа, описав дугу, подобную солнечному пути, возвращается к себе, вспоминает о себе.

Несколько дней подряд я и вечерами продолжал занятия, но сегодня я себя иначе чувствую. Вчера вечером я был, по приглашению, у Фимы и Вити Яновских. Сперва там было скучно, потом мы разговорились и я ушёл от них в 4 ¹/₂ ч.н. Не знаю, взбудоражил ли меня разговор или это оттого, что я мало спал, но сегодня и следа не осталось от той корки тонкого льда, которая на живой воде души окрепла за несколько дней.

Сегодня в 4 ч.д. Пошёл в синагогу на панихиду по Давиде Вальфсоне. Публики было человек 200. Сперва они держали себя по-домашнему; не слушали пения, вели частные разговоры. Потом выступил с речью Бабков, один из петроградских еврейских деятелей. Речь была им сказана на плохом русском языке, с безвкусными выражениями, но — страстно.

Он говорил с крайним напряжением всех сил, голос готов был сорваться и перейти в крик или рыдание. Это был момент пророческого воздействия на толпу, несмотря на внешние несовершенства его речи. Это был момент высокого подъёма — среди грохота всемирной войны (о чём он говорил тоже) — в Петрограде, в тесном помещении, еврейские молитвы и речь; и в толпе, притихшей после этой речи и благоговейно слушавшей голос певца, чуялись рыдания и как бы присутствие чудесной женщины-птицы, незримо склонившейся, воплощения тысячелетней тоски и страстных, несбывшихся мечтаний бесчисленных поколений

древнего народа, проходивших, как тени, с одной мольбой на устах — как волны прибоя; и мы — одна волна, тщетно вздымающаяся к небу у ступеней того же древнего алтаря, живая волна слёз народных.

Мы, за народ наш, совершали скорбно-вдохновенное таинство поминовения об ушедшем народном герое.

Эта панихида произвела на меня громадное впечатление. Вечером я опять взялся за Канта. Я читаю его всегда с наслаждением, но теперь — не могу!

Жить одним Кантом — это смерть, хотя и великолепная смерть. Но я ещё не хочу умирать. — Но что же делать. Я ещё не дошел, мне рано так умирать — восходя к смерти; для этого мне нужно более зрелости и силы.

31 марта 1915 г.

<...> «Если я читаю философию или занимаюсь, например, математикой, или что-нибудь в этом роде (чем-нибудь), то мне это приятно, но мне совершенно не кажется, что я делаю что-нибудь нужное кому-нибудь, и особенно потому, что война теперь и всегда, как ты пишешь, а наоборот, мне кажется, что я всё-таки развлекаюсь (хотя лучше, чем если бы я ходила на балы и прочее) и ухожу от жизни, потому что она тяжела, и от деятельности, замыкаюсь, заграждаюсь от всего и, значит, делаю не то, что нужно».

Прежде всего, это очень мило написано. Но я ничего здесь не понимаю!

Что это значит?? Was hat das zu bedenten??

Особенно непонятно мне:

1. от какой жизни ты уходишь

Когда ты жила этой жизнью, от которой ты уходишь в философию?

2. От какой деятельности ты уходишь и что нужно делать² вместо того, чтобы развлекаться философией?

1. Что это за жизнь, которой ты жила без философии, без «самоопределения»? Ведь уже самый факт личной жизни есть самоопределение? Разве возможна жизнь без эгоизма? Нет, ни минуты! И поэтому нужно жить так, чтобы было что хранить, чтобы заслужить привилегию жизни! Для этого есть много путей, но они все сводятся к самоусовершенствованию и к творчеству, деланию.

2. Что же, по-твоему, нужно делать?

Объясни мне! Может быть, это то, о чём ты когда-то говорила: общественная работа? Но я уже тогда объяснял тебе и теперь могу это опять сделать: чисто общественная работа — бесплодна.

Если людям хочешь помогать, нужно знать путь для них, а как ты найдёшь путь, не обращаясь к сферам, чуждым общественности в обыкновенном смысле этого слова?

² Здесь и дальше подчёркивания самого Тубянского.

3. Что касается философии, то она пригодна, во-первых, как способ самовоспитания, ибо она хранит в себе великий источник благородства и идеализма. Конечно, не только философия, а и науки, искусства и религии.

Во-вторых, она пригодна как непосредственная подготовка к деятельности: что же, ты хочешь уже действовать? Без подготовки никто не может этого (возьми все исторические примеры). Наконец, она сама есть и деятельность, и жизнь, и притом высшая жизнь, и высшая деятельность, и высшая во всех смыслах.

О кн. Джемса

Книга эта ценна исключительно религиозной своей силой; философски прагматизм не выдерживает элементарнейшей критики. Джемс не смог согласовать так религии и философии, чтоб философия не пострадала. Если ты сообщишь мне, что читаешь Джемса, то я пришлю тебе превосходную критику его, легко написанную. Статью Юшкевича, приложенную к книге Джемса, читать не стоит.

(Без даты)

<...> Я имею теперь для тебя «Введение в теорию познания» Мессера. Это очень хорошая, спокойная, вдумчивая книга. В ней содержится полное доказательство беспочвенности шопенгауэрского идеализма и вообще идеализм всюду развенчивается; сам автор, лучший критик, чем творец, защищает точку зрения «критического реализма», от которой очень лёгок переход к интуитивизму Лосского. Тем более, что свою точку зрения автор не развивает более или менее обстоятельно, что и не нужно, так что, ознакомившись с книгой Мессера, можно хорошо понять сразу Лосского (и Бергсона). Если ты дойдёшь до этого... [нрб. — М.К.] то попадёшь в сферу прекраснейших идей и мечтаний нашего времени.

Если Шопенгауэра освободить от ошибок, то получается нечто очень близкое Бергсону. Всё же Бергсон, в сравнении с Лосским, односторонен. Философия Лосского замечательна тем, что, будучи вполне оригинальной по духу, она в существеннейших пунктах обнаруживает глубокое родство с великими философскими системами — с Платоном, Кантом, Гегелем, но и с поэтической философией — Шеллингом, Шопенгауэром, Бергсоном. Она примиряет и соединяет в себе всё ценное, что было в предшествовавшей философии.

По отношению к современной немецкой философии (Шуппе, Риккерт, Коген) она находится в таком положении, что она к ним тоже во многом близка и, мало того, была ею подготовлена.

<...о «деятельной помощи»>

В частности, по еврейскому вопросу говорю тебе, что так как ты не можешь помочь ему практически, помоги ему душевно. Не всякий из евреев поймёт такую помощь (хотя многие поймут, и душа еврейского народа, неведомо для него самого смотрящая в свою душу в глазах каждого сына народа и каждой дочери, осветит

себя скорбным благословением. — Ибо опять-таки — как же ты поймёшь еврейский народ и его страдания, если ты забудешь идею, идею еврейского народа, за которую он страдает? Ты, может быть, думаешь, что идея — это что-нибудь такое, что можно сказать в двух словах? Нет, конечно, может быть, эту идею никто ещё не знает, но можно приблизиться к ней и стараться её понять. Лучшее, конкретное доказательство значения этой идеи — в том глубоком непререкаемом уважении, которым пользовались все причастившиеся к Торе во все времена, даже в самые чёрные. В седом старике, склонившимся над мудрой божественной книгой, всегда видели евреи то, что придаёт смысл и оправдание их тёмной жизни, полной унижений и беспросветной во всех отношениях. Эта идея пронизывает и освещает огненным светом чёрные картины мучений и казней, и звучит в молитвах и напевах в средневековой Испании и в Польше нового времени.

Итак, что же делать? — Только одно: постараться понять и постигнуть то, что теперь происходит... укрепить своё национальное чувство (то есть интуитивное понимание своей национальности): в частности, например, заняться еврейским языком или историей.

...Постарайся пережить еврейский вопрос, то есть вопрос о том, что делать еврейскому народу, но также и вопрос об отношении других к евреям.

Словом, нужно постараться, чтобы такое время не прошло даром для понимания. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», ибо в такие минуты прорывается обманчивая ткань, в которой «идеалисты» видели спасение, и сама «живая тайна» мира, его сущность раскрывается в бездне в ужасающем чёрном сиянии, для многих непереносимом.

Итак, откуда бы ни подойти к проблеме жизни, ясно одно: приобщение к вершинам человеческого духа и нужно, и спасительно, и прекрасно.

Ведь те, кто хотел бы иначе «действовать» — поступил бы как тот, кто стал бы лечить красные пятна на лице чахоточного — замазыванием их белилами.

Иначе поступает Знающий: он уходит, даже как будто не посмотрев на больного, но взяв с собою каплю его крови, в странную комнату с книгами, стеклянными приборами и микроскопами, и сидит, согнувшись, и часы идут, и дни, и месяцы, и годы... Для чего он это делает? Он работает над тем, чего никто не может даже видеть без прибора.

Но не глубже ли проникает к корням зла тот, кто, как бы не смотря на людей, но узнав из книг, написанных кровью (как этого требует Ницше от книг), отчего люди страдают, и чего хотят — ибо ведь отдельные люди, «знакомые» этого не могут сказать — уходит в одинокую комнату, без приборов, и, смотря в пространство на то, чего никто никогда не мог видеть, но что сильнее всего видимого, сидит и смотрит, смотрит...

Кант последние четыре года жизни был слабоумен. Ибо, как говорит Лаодзи (Dao de ging, 29) Die welt erobern wollen durch Handeln: Ich have erlebt, dass das misslingt. — Die Welt ist ein geistiges Ding, das man nicht behandeln darf. — Wer handelt, vedirrt sie. — Wer festhalt, verlicrt sie.

(Без даты)

Милая Раечка,

Я не сразу тебе ответил по причинам экстренным. Умерла бабушка моя, которая жила у нас, в понедельник мы её отвезли на Преображенское кладбище и опустили старушку в могилу.

Положение евреев в России в настоящее время очень тяжёлое. В последние дни участились обвинения евреев в шпионстве, особенно в прибалтийском крае, и обвинения эти печатаются в официальных органах.

Положение евреев напряжённое и угрожающее.

Вчера был обыск у председателя петроградской еврейской общины Варшавского и в петроградской главной синагоге. Это нелепое и гнусное обвинение в предательстве приводит к массовым выселениям евреев из Курляндской — 50.000 и Ковенской (150.000) губерний и кошулствам, как обыск в синагоге. Оно проникло в широкие интеллигентные круги общества.

Даже московский князь Трубецкой не смог критически к этому отнестись.

Что делать? Ещё раз говорю себе, что ты внешне ничего не можешь сделать, постарайся по крайней мере — ибо этого требует нравственный долг — чтобы это не прошло для тебя даром. <...>

(Без даты. Июль 1916 г.?)

Перевожу Платона с греческого <...> Книга Виндельбанда Прелюдии. В ней, правда, очень много спорного и даже есть немало заведомо ложного и плохого, но она написана тонко и блестяще и вводит легко в некоторые жгучие злободневные вопросы. Лучшая его статья и вообще лучшее творение этого, в последнем смысле, незначительного философа (и лишь превосходного философского писателя) — это «История естествознания» (стр. 313).

Очень полезна ещё статья о Категориях, Критический и генетический метод. <...>

Купи 4-й т. Труды Москов. Психол. общества — избран. соч. Лейбница. Это очень было бы полезно и даже почти необходимо.

<...> Бесконечное суждение

Атомы — невидимы (скажет атомист).

Отрицательное суждение.

Атомы не видимы (скажет антиатомист).

Бесконечное суждение тем отличается от утвердительного, что оно в наиболее важных проблемах знания имеет особо плодотворное применение. Не случайно многие важнейшие открытия и понятия человеческой мысли носят название, содержащее в себе по смыслу отрицание, а часто и по слову. Таковы понятия атомос — неделимое, ...потустороннее бытие; безусловное (аб-солутум) = не гипотетическое, термин Платона бессмертие, бесконечность [нрб. — М.К.].

Эти понятия тем важны, что, когда не найден нужный ответ, всё же исключается сразу известная область, в которой его не нужно искать. Например, что

такое Бог? Этого мы не знаем, но знаем, что он не есть: он — не это, не видимый мир с его злом и бедою. Или: кто нужен человеку? Не это, не та обстановка, в которой он вырос, не эти люди, не родственники (ср. в Евангелии: враги человеку домашние его), а другие. Какие же? Ищи! Но знай, что не эти. И т.д. Об этом можно много говорить, и тема эта очень глубокая и нелёгкая. Лучше всех об этом писал Герман Коген.

<...> И сострадание Шопенгауэра — сострадание к другому, потому что он — это я, то есть сострадание к себе, универсальный эгоизм. Тогда как настоящее сострадание — это сострадание к другому как к бесконечно другому.

Всё дело в том, что он другой (об этом можно, конечно, спорить) <...>

Суббота, 24 декабря, 1916 г.

Я решил не посылать письмо по почте, а отдать его Птичу, т.к. теперь в предпраздничной и праздничной сутолоке письмо легко может пропасть, да к тому же и лучше облегчать почтальонов на праздниках.

Птич, по-видимому, довольно симпатичный мальчик. Скажи ему только, чтоб он чистил ногти на руках. Это ему будет полезно, хотя он и говорит, что врачи должны отучиться от всякой брезгливости. Это, я полагаю, неточно. Разговоры с ним опять навели меня на мои отчасти уже известные тебе мысли о том, что нельзя таких маленьких зелёных сразу ставить лицом к лицу со всем тем адом, оборотной стороной жизни, который раскрывает изучение анатомии на трупах никем не похороненных людей и затем изучение болезней. Должно быть ограничение свободы в этом отношении — смелости мне в этих требованиях придал Платон (увидишь из «Государства»), если будешь читать — должно быть насилие над жизнью. К медицине должны допускаться только юноши, выдержавшие известный искуc, по крайней мере 3-летний и состоящий из изучения следующих предметов:

1. Высшей математики и 2. на выбор — или 1. теории и истории музыки с подробным прохождением фуг и инвенций Баха и строения симфоний Бетховена; или 2. философии, а именно, изучение творений Платона, Аристотеля, Плотина, Прокла, Августина, Николая Кузанского, Канта и Гегеля.

Зачем это? И почему такой выбор предметов? — Это затем, чтобы изучение оборотной стороны жизни не исковеркало юных душ, не внушило им натурализма и сенсуализма. «Лишь один род сущего природа» — сказал Аристотель (Метафизика, III кн., 3 гл., стр. 1005a), а эти дети знакомятся с природой, только с природой, да еще в худших её проявлениях. Создав жизнь, природа создала высшее, на что она была способна, но и — низшее, низшее не в смысле элементарности, а в смысле антиморальности и антиэстетичности.

В действительности, именно из врачебных кругов выходят проекты борьбы со злом, основанные на непонимании Добра. Таковы, напр., оптимистическое учение Мечникова («Этюды оптимизма»), евгеника.

Почему именно эти предметы? Потому что именно эти предметы относятся в целом к сфере сверхчувственного бытия.

(Без даты. 1917 г.?)

<...> В моем письме от 7 июля ты нашла ответ на твой вопрос о том, что я делал 3—4 июля, и как это на меня подействовало.

Теперь это прошло. Бунт в Петрограде и прорыв на фронте оказались тем «громом», после которого «мужик» «перекрестился»; теперь сильный подъём хорошего патриотизма, внушающий веру в будущее. Керенский вырос в народного героя. В эти тревожные смутные дни куется новый русский дух. Вообще, события для русского народа решающие. Он — находит себя. Это мощный шаг в развитии национального самосознания. Русский народ сознает свои силы, но и свои границы, он чувствует себя созревшим в страданиях, обновленным и окрепшим, но видит себя вместе с тем — одним из народов России — это он впервые так ясно увидел теперь. Ведь состав российского населения таков (1908).

Великороссов	65.695 млн.	43,3%
Украинцев	26.708	17,41%
Поляков	9.359	6,17%
Белорусов	6.945	
Евреев	5.973	
Немцев	2.112	
Литовцев	1.956	
Латышей	1.694	
Всего —	151.1 млн.	

От прежней русской, насильно русской России не останется и следа. Это, конечно, сильно отразится на дальнейшем развитии и русской нации, и притом не в плохом смысле отразится, так как она и так достаточно велика и могущественна будет при упрочении демократического строя.

Я думаю, что если не произойдёт какой-нибудь катастрофы, то Россию удастся довести до Учредительного собрания и до справедливого мира. Теперь во всех странах ведётся мирная кампания. Я думаю, в течение ближайших двух-трёх месяцев она может дать плоды.

Сионистская проблема тоже движется к благоприятному разрешению. Для этого есть много признаков, которые ты увидишь в номере «Рассвета», который я тебе посылаю.

Конечно, всё, что я тебе изложил, — это благоприятный аспект, который можно вычитать в предрассветном полумраке будущего. Я признаюсь, что может быть и иначе, выбор между возможностями, когда равное число «шансов» или голосов — делает Всемирный Председатель. Редко в мировой истории его Machtpruch бывает так нужен, как теперь. Я жду и надеюсь, и все ждут и надеются, кроме тех, которые хотят плохого исхода. <...>

16 июля (1917 г.?)

<...> Буду держать гос. экзамен (вероятно, до 1 октября 1918 г.)

Эвакуация ПГ [Петрограда — М.К.] производится пока в незначительных размерах и постепенно. Агентство не эвакуируется пока. <...> весне вообще многое может измениться.

По окончании Университета, если я останусь в России и в ПТА³ — вероятно, я постараюсь добиться разрешения держать магистерские экзамены по философии, не сдавая гос. экзамены, экстерном по историко-философскому факультету.

Это можно при известной репутации, которую можно получить проще всего печатными сочинениями, к чему я, быть может, и прибегну. Этот план указан мне Сергеем Гессеном, который сообщил мне о прецеденте такого рода.

С.О. Гессен уезжает профессором в Томск; И. Колубовский едет туда же ассистентом по кафедре философии.

Но всему этому, конечно, угрожает то, что угрожает России. В частности, в ПГ возможен в скором времени новый большой большевистско-погромный бунт, в связи с созываемым на 20 октября Всероссийским съездом советов рабочих и солдатских депутатов. Эти советы теперь стали почти повсюду большевистскими.

Керенский — великий человек, тем более вырастает, чем более его вера и стойкость воли контрастируют с усиливающимся политическим индифферентизмом. <...>

Ночь со 2 на 3 ноября 1917 г.

Дорогая моя девочка! Ты, вероятно, получила моё тревожное письмо, посланное довольно давно. Но действительность превзошла все мои опасения. Положение России сейчас есть небывалая национальная катастрофа, нарастающая с каждым днём и грозящая увлечь в бездну и ряд других стран — Италию(!), Францию, Англию и Америку.

О России же сейчас невозможно говорить: можно только читать газеты, если они есть, и предаваться ужасу и отчаянию. Последние надежды гаснут.

В Агенстве, как и в прочих правительственных учреждениях, забастовка. Я состою в еврейской самообороне. Впрочем, я никакой личной опасности не подвергался, хотя в ПГ были уличные бои и многое другое. <...> Чем хуже, тем нестерпимее становится ожидание нашей совместной жизни.

Да хранит тебя Бог.

(Без даты)

Дорогая моя девочка! О тех ужасных событиях, которые мы переживаем, я ещё почти ничего не могу писать, так как этот «миг истории» ещё не кончился и ещё нельзя передохнуть. Кроме того, ещё мало есть сведений для того, чтобы

³ Петроградское Телеграфное Агенство.

оценить события в европейском их значении. Но видно, что очи Франции заволокло туманом, а рука, держащая меч, судорожно окрепла... Выдержит ли? А о том, как отнеслись к событиям нашим другие страны мира — Германия, Англия, Америка — еще неизвестно нам. <...> Я недавно прочитал «Дубровского», читанного мною в детстве и мною тогда очень любимого. Это мне доставило большое удовольствие и очень подходит для размышлений о нынешних событиях. <...>

Понедельник, 20 ноября 1917 г.

То, что выше написано мною несколько дней тому назад, когда именно — не помню. Я стал в последнее время рассеянным под влиянием «абerrации», вызванной событиями. Так, я не помню, о какой книге я тебе писал — ты её просишь выслать в своём последнем письме. Думаю, это — Мэк-Гован «Китайцы у себя дома». Эту книгу я сегодня отправил тебе в Харьков и ещё две.

Книга Мэк-Гована [нрб. — М.К.] проникнута живой горячей любовью к людям, то есть к китайцам. Ясно, что такое человеколюбие, которое исключало бы столь богатый источник страдания и радости, нежности и величия, ума и красоты, как историческая и современная жизнь Срединной Империи, — было бы ложным.

Отзываться о теперешних событиях хоть сколько-нибудь объективно крайне трудно. Напиши мне, какие газеты ты читаешь. Я тебе на днях вышлю «День» — вполне соответствует, в общем, моей точке зрения.

Я голосовал по Петрограду за № 17 — меньшевиков-оборонцев. Здесь списка сионистов не было, а если бы он был, то я голосовал бы за него. Правда, с точки зрения социалиста, он не подходил бы, но я считаю, что сионистический список представляет in pace будущий нормально живущий еврейский народ, а это большая для меня ценность в области практической политики. Жаль, что нет еврейских социалистических списков, а те, которые есть, — не годятся. — Какие списки были по Харькову? Во всяком случае твоё голосование я вполне одобряю; здесь безукоризненного решения не может быть, а выход из конфликта противоположных мотивов найден тобою верно, по-моему.

<...> Здесь было торжественное собрание по поводу декларации английского Правительства об устройстве еврейского национального центра в Палестине.

Были речи кроме русских и идиша по-еврейски. <...> Это радостное событие большого значения; конечно, главное — за нами остаётся. Ср. взгляды Ахад Гаама в брошюре о нём I. Клаузнера, которую ты послала Розе из ПГ. Я его сторонник, в общем, его взгляды совпадают с социалистическим взглядом на сионистские проблемы. (Если ты прочитаешь эту брошюру, ты увидишь, насколько он ценен для сионизма).

3 января 1918 г.

Я сегодня выписал для тебя «Рассвет». Сегодня получил твоё запоздавшее письмо, долго лежавшее в разных тёмных ящиках и обрадовавшееся, наконец, когда я его открыл. Оно отправлено 18 декабря.

Получила ли ты «День»? В № 1 очень хороша статья Кливанского об истории революции. Весьма ценная. Обрати внимание. Будь осторожна. Всего лучшего!

Да хранит тебя Бог.

Среди посланных книг — о межпланетных путешествиях, журнал «Культура и политика» с превосходной статьёй Д. Кайсена.

Вторник, 12 марта 1918 г.

<...> Писем от тебя за последние дни я не имею. Мы переписываемся почти так часто, что можно говорить «за последние дни». Теперь, я утверждаю, нам и надо часто переписываться, потому что иначе становится слишком грустно.

Агентство не хочет расширять свой штат ввиду неясного положения, другие эвакуируются...

Всё, что от меня зависело, я сделал, и теперь я больше пока ничего не придумал, хотя стараюсь.

Я сделал значительные успехи в английском, еврейском и итальянском языках.

Мы едим чувствительно меньше. Это, между прочим, понижает внутреннее тепло, а топим тоже мало. Когда топим, я стою у печки и читаю или думаю. (Подумаешь, тоже занятие!)

А будущее так темно, как никогда ещё не было со времен Эхнатопы и его гибели.

(ср. Д.Г. Брэстер «История Египта», т. II, стр. 70. М., 1915 г.)

Он в известном отношении напоминает судьбу Керенского.

Его неудача — первое столкновение разумной человеческой воли со стихией — не природы, а истории.

А теперь эта стихия затопила все берега, и не спадает вода Второго Потопа, и негде пристать ковчегу.

(Без даты)

Я не писал тебе вследствие уныния и нелепой неопределённости положения.

Итальянская миссия уехала из ППГ.

Поэтому даже рискованно строить наш домик на такой зыбкой почве: вдруг через месяц опрокинется.

По математике — экзаменов я не сдавал. Но это не грозит мне неприятностями канцелярского характера. Не сдавал, потому что поставил себе другие цели. Я считал, что должен серьёзно взяться за вопрос о situation; из этого ничего не вышло, но время даром не потеряно: я делал большие успехи в разных языках (английский и итальянский) и значительно упрочил своё академическое положение

благодаря новым, более тесным, чем когда-либо ранее сношениям с ЛД⁴. Дело в том, что я возобновил посещения его семинария, где проходится философия Гегеля, и на днях прочёл у него блестящий доклад, которым он был эпатирован и прельщён. Доклад о философии Гегеля вообще. Понятно, мне это стоило некоторого труда, я читал немало английских и итальянских книг о Hegel'e и самого Hegel'я. Так что со стороны ссылок доклад был блестящ.

Но главное, он был смел и остроумен по содержанию и был изложен в весьма удачной литературной форме. Я написал его очень быстро в некотором даже, извини, творческом порыве, за полтора дня. ЛД попросил оставить его у него, чтобы прочитать ещё раз, так как в следующий раз предполагается обсуждение. Осталось написать ещё вторую часть, специально о тех главах философии истории Гегеля, где он говорит о Китае, Индии и Персии, Сирии и Иудее. Это также для меня очень привлекательно, и быть может мне здесь тоже удастся сделать что-нибудь интересное.

Это привело меня в хорошее настроение как само по себе, так и вследствие некоторого удовлетворения моему самолюбию, особенно по контрасту с последними неудачами, а также потому, что связь с ним для меня очень важна, так как его положение в учёном мире всей Европы весьма солидное. Но как раз ночью после доклада у меня произошло нечто, очень похожее на приступ аппендицита. Я понял это как перст судьбы: не зазнавайтесь, мол.

Теперь это почти прошло, я советуюсь по телефону с Саулом. <...>

22 августа, 1919 г.

<...> Введенский одобрил мою программу, даже похвалил её и меня; притом не ту, что я тебе сообщил, а более лёгкую для меня: 9) санскрит, 10) введение в языкознание, 11) сравнительная грамматика, 12) методология истории, 13) история Греции, 14) история греческой литературы, 15) греческий автор, 16) латинский автор, 17) общий курс истории церкви. Затем философские предметы.

К январю всё это вполне можно закончить. Теперь это должен ещё утвердить декан и факультет.

10 апреля, 1920 г. Суббота, 10 часов вечера

<...> Для меня ехать в Москву было бы чистейшим безумием. Все мои связи в Петрограде, а ты знаешь, что 1) никогда связи не были так важны, как теперь; 2) мне связи необходимы особенно потому, что я — как человек науки и литератор — весь ещё in Werden, и существую главным образом тем, что есть здесь люди, которые меня знают близко и знают, что я способен на Leishung, о которой моя деятельность до сих пор не даёт ни малейшего понятия. Между

⁴ Лапо-Данилевский.

тем, если я уеду, все эти паутинки порываются, и завязать их невероятно трудно, несмотря на письма и рекомендации.

Мои условия существования здесь в настоящий момент вполне сносны в материальном отношении и достойны в умственном, и в обоих этих отношениях они постепенно улучшаются. Я получаю 2 хлеба в день (в Смольном в городской лавке, в Университете и в Ждуне), а иногда и больше; чрезвычайно сытный и приличный обед; кроме того, 4 фунта сладостей и 2 фунта масла в месяц. В отношении ботинок и т.п. имеются тоже хорошие виды. Кроме того, служба в Смольном даёт ряд льгот: с их бумагами всюду пропускают вне очереди — например, паспорт я получил вместо 2 недель в полчаса; получил книги из П.Б. и т.п.

Затем, ко мне перестали относиться формалистически, иногда, когда нужно, я сижу дольше — даже до девяти (это редко); а когда не нужно, прихожу в 12, в час, в три и т.д.

Благодаря этому всему у меня теперь впервые появилась возможность спокойно заниматься, и я впервые после долгого промежутка окунулся с блаженством в высокую умственную атмосферу проблем философии и религии.

Большую роль играет и то, что я при этом не голоден и что теперь тепло.

Я занимаюсь теперь подготовкой курса для Евруна.

Я занимаюсь и с Щербатиком⁵ (он на днях нанесёт нам первый визит). Уже из-за него одного мне не имеет смысла уезжать. Это человек, который больше, чем кто-либо до него, оценил меня, а я его брошу? Да и родителей оставлять грешно без большой надобности.

Между тем, на что я могу рассчитывать в Москве? Допустим, что я сразу получу хорошее место, но для чего это? Только для того, чтобы больше есть?

Но это значит жить, чтобы есть.

Я здесь совершенно не голодаю, я уже поправился — это все мне говорят.

Тебя я здесь могу устроить с... [нрб. — М.К.] пайком... [нрб. — М.К.] это можно сделать. Наум — он хорошо устроился в этом смысле — или Тынянов, благодаря Иванову, правделу Совтударма.

Теперь, что касается дальнейших перспектив, то возможны две. 1. Или мы останемся в Петрограде. Я в Смольном постепенно укрепляюсь <...> Мы поселимся в таком месте, где есть отопление и прочие удобства — то есть либо в Смольном, либо в «Советском доме». В таких условиях жить будет вполне сносно, и уж во всяком случае несравненно лучше, чем мы жили эту зиму. 2. Или нам удастся уехать.

Ехать с какой-либо делегацией ненадолго, да ещё мне одному, да ещё в таких неприятных условиях (изоляция — ведь большевиков всюду боятся), да ещё напрячь все свои умственные силы для выполнения работы мне совершенно

⁵ Про Ф.И. Щербатского. Щербатской Федор Ипполитович (1866—1942), выдающийся российский буддолог, воспитавший плеяду буддологов своей школы, основной учитель Тубянского в индийской филологии, санскрите, тибетском и буддологии.

несвойственной, отвлекаясь от свойственной, да ещё просить об этом человека, которого просить не хочется, который мне очень чужд и антипатичен и быть ему обязанным — срываться для этого... Я не настолько легковесен, у меня есть желание, с которым ты знакома, соблюдать и проводить известный стиль и т.п.; голод и даже смерть этому не противоречат, тогда как сытая коммерция — противоречит.

Это не значит, что я не пошёл бы на унижение, если бы мне угрожала беда — хотя и не на всякое унижение. Я ведь даже почти согласился на поездку в Лондон (я счастлив, что не поехал и сохранил стиль, благодаря Судьбе). Но судьба теперь позволяет мне жить, не нуждаясь в унижениях. Я, слава Богу, выбираюсь на те пути, где я могу расправить плечи, не сгибаться больше. Для моего самочувствия, от которого зависит ведь и моя работоспособность — это фактор, не менее важный, если не более, чем сытость и тепло. Это одна из основных черт моего характера и мировоззрения.

...я был бы не я, если бы у меня не было этой любви к свободе, к избранному мною свободно призванию и чувства собственного достоинства. Всё это побуждает меня оставаться здесь, ибо здесь я имею уже установившийся Geltungskreis; и это же заставляет меня относиться скептически к командировкам ком. вне торг.

Заграничные командировки теперь тоже не так уже заманчивы, ибо за границей становится всё хуже (особенно в Германии).

Тем не менее, я не отказываюсь от этой мысли, но нахожу, что для научной командировки гораздо благоприятнее почва здесь, ибо здесь и мой патрон; здесь моя alma mater; здесь Академия наук, с любезнейшим секретарем С.Ф. Ольденбургом, другом Щербатиком и т.д.

Живя в Москве, среди людей, которые легко приспосабливаются к жестоким моральным условиям и живут, чтобы есть, ты забыла, как будто, о других целях. Это простительно, ибо ты провела очень тяжёлую зиму и потому что твой отец погиб именно от плохих условий.

Я нашел выход — правда, кружным путём, через Индию. Теперь мы уже не будем ни голодны, ни нуждаться, (насколько это возможно в Совдепии), и даже можно идти вперёд по пути научных занятий, который и есть вообще моя единственная настоящая карьера.

Итак, вопреки вшам и промоченным ботинкам, рваному белью и дохлым клочкам на улицах — будем бодро, пока можно, охранять наше маленькое царство стихов, науки и любви, и не только в смысле egoïsme en deux, но вообще к близким людям, so lang es uns das Jahicksal gonnt, а в то же время внимательно всматриваться в горизонты и готовиться к большому плаванью, когда придётся поднять якорь.

1920—1927 гг. В этот период М.И. Тубянский работал переводчиком с немецкого, английского и итальянского языков для «Американского бюро печати», для Итальянской миссии, для Телефонно-телеграфного агентства;

с 1924 г. участвовал в семинарах М.М. Бахтина; работал в Еврейском историко-этнографическом обществе, преподавал в Еврейском университете; в группе Ф.И. Щербатского работал на должности научного сотрудника в Азиатском музее Академии наук; преподавал индийские языки в Ленинградском Институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ). В эти годы определились масштабы буддологических интересов Тубянского. В частности, важную роль в его буддологических исследованиях сыграла деятельность по разбору неопубликованного наследия академика В.П. Васильева. В 1927 г. М.И. Тубянский выступил как один из инициаторов и организаторов (вместе с академиками С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским) создания Института буддийской культуры (ИНБУК).

Круг этой деятельности и интересов представлен в письмах Тубянского академикам Ф.И. Щербатскому (СПбФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3, д. 218) и С.Ф. Ольденбургу (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3, д. 593).

Письма М.И. Тубянского Ф.И. Щербатскому

16.II.1922 г.

Дорогой Фёдор Ипполитович!

Мы очень долго не имели от Вас известий, наконец, недавно из Вашего письма узнали, что Вы снова в Лондоне и собираетесь ехать в Германию, а затем и направиться домой. Вы меня спрашивали не раз о судьбе Вашей книги, которая должна была печататься. Я не писал Вам ничего определённого, потому что всё время печатание задерживалось, из-за отсутствия в Академии денег, и я всё время, от одного свидания с Сергеем Федоровичем до следующего (а они происходили от одного до трёх раз в месяц) ждал изменения этого положения, но оно не менялось; в частности, сейчас С.Ф. опять в Москве по вопросу о деньгах. Корректуру я в своё время сделал, но с тех пор дело не подвинулось.

Про себя могу сообщить следующее. Я летом собирался уезжать, так как было очень плохо, о чём я Вам писал из Москвы. Но уехать ни летом, ни осенью не удалось, и тогда я решил остаться и подождать Вашего возвращения. Первая половина зимы прошла у меня почти бесплодно, несмотря на то, что я с сентября получил академический паёк, по новой группе НУ («Начинающих учёных»), паёк был очень скуден, и мне приходилось оставаться на службе. Но с декабря паёк увеличили, и тогда я со службы ушёл, а с января выдали многим, и в том числе мне ещё и «семейный» паёк, вполне заменивший прежний служебный. Так что с января я впервые с 1918 г. был поставлен в такие условия, которые дают возможность заниматься более или менее удовлетворительным образом. Но и январь был мною почти потерян из-за болезни жены. Лишь с февраля я наконец имею время — и кто знает, надолго ли? Но пока оно есть, я его, конечно, не упускаю. Я Вам уже писал, что раньше я, не имея возможности заниматься вполне серьёзно, «пошел вширь» вместо того, чтобы идти вглубь. Это выразилось

в том, что я занялся бенгальским языком, сначала по старинному учебнику Naughton'a, а затем проштудировал учебник Андерсона, который оказался в числе присланных Вами книг, и читал некоторые тексты (хрестоматию Naughton'a и др.). С осени 1921 г. я даже возымел смелость начать преподавать бенгали в Институте Вост. Языков, и продолжаю это преподавание и поныне, причём, конечно, преподаю бенгали преимущественно как литературный язык, так как говорить на нём я пока не умею. Взял я именно бенгали, потому что он, по своей современной литературе, кажется мне наиболее интересным из живых языков Индии (особенно из-за Раммохан Роя, Дебендраната и Рабиндраната Тагор и др.) Но хотя мне и удалось в известной мере изучить этот, сравнительно нетрудный, язык, но недостаток пособий всё время давал себя знать. Так, например, словаря хорошего в Петрограде нет, многих сочинений изданных, в том числе современных тоже, нет, в частности, почти совершенно текстов Р. Тагора. Поэтому, если у Вас в Лондоне ещё есть возможность получить небольшое количество валюты, я очень просил бы Вас, от имени Института Вост. Языков или Азиатского Музея закупить некоторое количество книг по бенгальской литературе и языку, преимущественно оригинальных текстов, из числа следующих (Список приложен — М.К.)

Пока книги, полученные уже Азиатским Музеем, всех здесь очень обрадовали, и открывают нам здесь при благоприятных внешних условиях, возможность плодотворных занятий по индологии. Мне лично особенно пригодились упомянутая книга Андерсона, затем Woulner, Introduction TO Prakrit; Reith, Indian Logic and Atomism и др.

Возобновились заседания философского общества, под председательством Радлова (Введенский хворает). Печатается 1-й выпуск философского журнала, издаваемого обществом. Предстоит выход в свет 1-го номера журнала «Восток», издаваемого издательством Всемирной литературы, при участии всех петроградских ориенталистов.

Вашу матушку я часто навещаю⁶. Она чувствует себя, видимо, хорошо, и только не вполне свыклась ещё с новой квартирой.

Остаюсь,

В ожидании Вашего приезда,

Преданный Вам М. Тубянский.

14 мая 1922 г.

Дорогой Фёдор Ипполитович,

Те списки книг, которые я Вам посылал, разумеется, посылались мною лишь на всякий случай, на случай, если бы у Вас оказались свободные деньги, и Вы просто хотели бы ещё закупить книг. Но что касается книг по бенгальскому языку, в частности, бенгальских книг Тагора, то они нужны мне в более непосредственном

⁶ Щербатская Екатерина Аполлинариевна — мать Ф.И. Щербатского.

смысле, для преподавания, для бенгальской хрестоматии, которую, может быть, удастся издать литографским способом, для переводов и т.д. В частности, если Вы уже получили хотя бы какой-нибудь из бенгальских текстов Тагора (о Вашем намерении их раздобыть Вы мне сообщали), то я очень просил бы Вас, если это нетрудно, послать его мне через С.Ф.⁷ в ближайшем будущем, приложив ещё, если возможно, книжку Томпсона⁸ о Тагоре (см. список), послать лучше всего заказной бандеролью. (Приложен список книг с объяснениями. — М.К.)

Преданный Вам

М. Тубянский

P.S. Я надеюсь, что предыдущее мое более подробное письмо Вы получили. Упомянутое в списке издание поэм Кабира содержит текст на Hindi и бенгальский перевод. На Hindi я читаю.

16 июня 1922 г.

Дорогой Фёдор Ипполитович,

В последнем моём письме (вернее, в последнем из «подробных») я сообщал Вам, что приступил к чтению *Ṇyaayavartika*, но тогда же, помнится, выразил сомнение: надолго ли? То относительное благополучие, которое давало мне возможность заниматься этим самым нужным и насущным для меня делом, действительно, вскоре прекратилось. Пока ещё нет оснований говорить о плохом положении, оно в известной мере сносно; но давление житейских забот, беготня по городу и т.п. слишком достаточно одолевают меня, чтобы я мог позволить себе тот глубокий досуг, который нужен для этой работы, требующей всё же максимального напряжения. Я успел кое-что прочесть, и очень много из этого вынес; но затем должен был опять временно отказаться от этого рода работы. Работа «попроще» у меня всё это время продолжалась: я преподавал в И.В. языков, 14 июня состоялась заключительная репетиция по санскриту и бенгали при участии А.П. Баранникова и в присутствии С.Ф.; пяти ученикам даны были не читанные прежде отрывки из *Rāncatantra* и бенгальские из *Tootaa-itilhaas*, с вокабулами, и они всё разобрали. Я составляю бенгальскую хрестоматию, и, хотя меня торопят, так как печатание дорожает, но я тяну, в надежде получить от Вас тексты Тагора и т.п., которые хотел бы включить в хрестоматию, чтобы сделать её более современной. Кроме того, в программу магистерских экзаменов я решил включить тибетский язык, вместо персидского, и занялся тибетским; надеюсь сдать экзамены в сентябре (раньше не будет собраний исследовательского института имени Веселовского, при котором мне придётся держать экзамен по санскриту). Персидский язык сам по себе нетруден, но я выяснил, что всё же необходимо знать в известных пределах, и арабский для персидского, а это сейчас

⁷ Сергей Федорович Ольденбург.

⁸ E.J. Thompson. «Rabindranath Tagore, His Life and Work». Oxford, 1922.

будет Lu weitlanfis; к тому же для моих главных целей, то есть изучения индийской философии, тибетский гораздо нужнее.

От персидского я принципиально не отказался и поскольку я сохраняю интерес к новой Индии (в частности, к Бенгалии XIX века с Раммохан Роем, Дебендранат Тагором и его сыном Р.Т.), я им ещё займусь, но не буду связывать этих занятий с магистерскими экзаменами. Я надеюсь, что Вы это моё решение одобрите.

Баранников тоже, кажется, занимается тибетским; он решил также изучить один ново-индийский язык и советовался со мной, какой ему взять, чтобы дополнить меня в И.В.Я.; я посоветовал ему Marathi и Hindi.

К этому письму я, как и к нескольким предыдущим, предлагаю список книжных desiderata, на случай, если у Вас будет возможность приобретать для здешних учреждений ещё книги. Те, которые кажутся мне наиболее интересными, я подчеркнул. Особенно интересно, что за история индийской философии написана Mr -ом S. Dasgupta, лектором бенгали в Кэмбридже. Очень интересно было бы также узнать, не написали ли новых трудов Р. Tuxen и L. Suali (последний обещал перевод Tattvacintamahi!) Если Вы ещё побываете в Западной Европе до возвращения в Россию, то и если Вы сможете лично поговорить с тем бывшим папиным сослуживцем, с которым говорил Ваш брат, то мы Вас очень просим это сделать. Дело в том, что мой отец за последнее время лишился должности, вследствие сокращения штатов, а получит ли он новую, и когда, неизвестно; вследствие чего у него сейчас ещё гораздо больше оснований хотеть узнать мнение этого лица по вопросу о поддержке, чем раньше. Личная беседа могла бы дать большой результат, так что, повторяю, если у Вас будет возможность это сделать, мы Вас о том очень просим.

В ожидании ответа, остаюсь преданный Вам,
М.

16. II. 1923 г.

Дорогой Фёдор Ипполитович,

В настоящем письме я должен ограничиться только одной темой ввиду её спешности. Дело в том, что между С.Ф. и Госиздатом на днях заключен договор об издании под ред. С.Ф. сборника статей под заглавием «Введение в изучение культуры Индии», рассчитанного на широкий круг читателей, по типу вроде студентов первого курса.

Предположительный состав сборника:

1. Предисловие — С.Ф. Ольденбурга
2. Исторический обзор — С.Ф. Ольденбурга (7 листов)
3. Индийские языки — А.П. Баранников и М. Тубянский (4 л.)
4. Индийские литературы: перевод статьи Пишеля
1. О санскритской литературе из Kultur der gegen.
с дополнениями С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского — по поэтике.

II. Ново-индийские литературы: статья будет составлена мною на основе работ Грирсона и многих других (8 листов)

5. Индийские религии?⁹

6. Индийская философия — Ф. Щербатской (4 л.)

7. Индийское искусство — С.Ф. Ольденбург (3 л.)

С.Ф. Ольденбург говорил, что он убежден, что ему удастся склонить Вас к участию в сборнике. Срок представления работы — 1-е октября. Гонорар — 22 золотых рубля за лист по курсу Гос. банка, т.е. теперь приблизительно по 25 милл. За 1 золотой рубль. Итак, сейчас мы будем с нетерпением ждать Вашего ответа: когда Вы сможете написать о философии; если Вы вышлете статью сюда, гонорар может быть либо переслан Вам туда, либо уплачен Екатерине Аполлинариевне.

Что касается статьи о религиях, то она вызывает большие сомнения; как Вы думаете, откуда её взять в готовом виде или же кому её поручить и как составить? У нас здесь есть некоторые предположения, но этот вопрос можно отложить, пока Вы не ответите на главный вопрос.

Мы получили здесь несколько ящиков, но о них подробнее в другом письме; пока же я ограничиваюсь вышесказанным, и лишь не могу отказать себе приложить ещё раз список desiderata, хотя вероятно, надеяться на их получение сейчас уже трудно.

Преданный Вам,
М. Тубянский.

(без даты)

Дорогой Федор Ипполитович,

Вернувшись с вокзала, тотчас же составил предлагаемый список, и завтра утром отправлю его. Это, разумеется, список для выбора; я не думаю, чтоб он весь мог быть осуществлен. Но возьмите из него, в пределах финансовых возможностей, то, что Вам больше понравится. Из Платона и Аристотеля я указал логические сочинения (кроме *Platono Briefe*), вышедшие в новых превосходных переводах. Довольно важны также для сравнения с так называемой индийской «схоластикой» труды Рольфеса об Аристотеле и Фоме (они очень свежи).

Из книг на второй странице важнее всего были бы труды Bruce'a, Henke, «*Kanwadaijisho*»⁹. Может быть, он случайно найдется у Harrosowitz'a?

Не узнаете ли у Радера в Брюсселе, каков его тамошний адрес? Я ему давно не писал, но скоро напишу, пусть не сердится.

⁹ Haga K. *Kanwadaijisho*. Tokio, 1915. — Китайско-японский словарь, к которому О.О. Розенберг составил индекс.

Письма М.И. Тубянского С.Ф. Ольденбургу

[1 августа 1921 г.]

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,
13 июня я спешно вызван был в Москву для работы в Пресс-Бюро III Конгресса Коминтерна. Вызван я был настолько спешно, что не успел поговорить с Вами перед отъездом.

Вообще моё согласие на работу в Москве объяснялось желанием провести те 2—3 месяца, которые остались мне до предполагаемого моего отъезда за границу, в сравнительно благоприятных условиях.

<...> Если такая командировка со стороны Академии возможна, то она имела бы для меня тройное значение:

1. Если почему-либо мои хлопоты об отъезде через Литву ни к чему не приведут, то она даст мне иную возможность уехать.

2. Если даже я уеду через посредство литовцев, то и тогда командировка от А.Н. мне значительно облегчит как моё путешествие, так и приискание работы в Берлине, а последний вопрос очень важен, ибо если я получу в Берлине неподходящую работу, то я не смогу параллельно заниматься наукой. Может быть, командировка даст мне возможность в Берлине устроиться именно так, как это предлагает Фёдор Ипполитович.

<...>

Фёдор Ипполитович просил Вас о выдаче мне командировки от А.Н. с тем, чтобы я заменил в Берлине Фёдор Ипполитовича в смысле наблюдения за печатанием книг.

1.VIII.1921 г.

[27 января 1927 г.]

Дорогой Сергей Фёдорович,

Боюсь, что мне так и не придётся поговорить с Вами до заседания монгольской комиссии, поэтому разрешите мне по возможности коротко и ясно изложить то, чего я хотел бы, а Вам, конечно, судить, насколько это целесообразно.

1. С совершенно персональной точки зрения поездка мне просто необходима, т.к. она, помимо все прочего, позволит мне вполне и беспрепятственно сосредоточиться на полученной работе — а это — увы! — такая вещь, о которой я, со времени начала моей востоковедческой работы, совпадающей с началом революции, мог только мечтать донныне.

2. Моей ближайшей научной целью было бы изучение, под надлежащим руководством (которое уже обещано мне Доржиевым), Сиддантой — grub btha' Джамьяна Шадбы, это — текст, все значение которого выяснили мне рукописи Васильева. Он содержит богатейшие сведения, прямо энциклопедию буддийской и отчасти и брахманской философии и, будет иметь, после своей *mire en valeur*, большое значение и для всей индологии.

3. Наряду с этим, я хотел бы познакомиться со всем устройством и литературой цанидов, по возможности, вообще с культурой буддийских университетов, — уже не только философских факультетов.

Я полагаю, что только последняя из указанных 3-х целей может послужить наиболее удобным и приемлемым официальным поводом для моей командировки, тогда как вторая, может быть, покажется в официальном смысле недостаточно убедительной, это, конечно, только моё мнение.

Но очень важен вопрос о продолжительности командировки. Я считаю, что для более или менее удовлетворительного выполнения этих заданий необходим $1\frac{1}{2}$ -годовой срок, но, во всяком случае, не менее, чем годичный. Я не думаю, чтобы условия сибирско-монгольской зимы должны были послужить безусловным препятствием работе.

Наконец, о месте назначения. Мне представляется желательным, чтобы официальная цель поездки была так сформулирована, чтобы я мог побывать подольше в Бурятии, а не только в Монголии, т.к. для работы, упомянутой в п. 2-м, это место наиболее приспособлено, по словам Доржиева.

Преданный Вам, Мих. Тубянский.

27.1.1927.

1927—1936 г. Монгольский период деятельности М.И. Тубянского преследовал, судя по его собственным формулировкам (из письма С.Ф. Ольденбургу 1927 г.) такие научные задачи, как изучение «под надлежащим руководством» буддийских учителей «устройства и литературы цанидов» (то есть «философских факультетов») и, ещё шире, — культуры буддийских университетов в целом.

Однако в Монголии, помимо буддологических исследований, учёный был вынужден, когда истек срок командировки Академии наук, взяться за работу в российском политическом представительстве и в Учёном Комитете Монголии. Годы работы М.И. Тубянского в Учкоме пришлось на сложный период во внутривосточной жизни Монголии, когда от власти были отстранены представители монгольской интеллигенции, сторонники умеренного, «эволюционного» пути развития страны, и к власти пришли приверженцы радикальных мер и методов социального переустройства. О научной деятельности и жизни Тубянского в этот период и о настроениях и мыслях его последнего года жизни в Ленинграде дают представление его письма Ф.И. Щербатскому (СПбФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3, д. 218).

[29 сентября 1928 г.]¹⁰

Дорогой Фёдор Ипполитович,

прошло много времени с тех пор, как я уехал, и у тех лиц, которым я обязан своей командировкой, естественно, возникает вопрос: раз я за всё это время не присылал никаких работ, не означает ли это, что моя командировка неудачна по существу? Если сопоставить её видимую бесплодность с явными результатами сравнительно кратковременных командировок А.И. Вострикова и Е.Е. Обермиллера¹¹ в Бурятию, то подобного рода подозрения получают ещё дальнейшее подкрепление. Но есть несколько весьма серьёзных обстоятельств, которые объясняют, почему моя командировка должна несомненно принять более затяжной характер.

Сущность командировки в значительной степени определяется местом назначения. Трудность проникновения в ламскую среду всеми признается. На противоположном полюсе находится бурятское ламство, и именно потому, должно быть, кн. Э. Ухтомский¹² сравнивал именно Забайкалье с «ключом» к буддийскому миру — его сравнительная доступность тоже достаточно известна. Где-то посреди место занимает Монголия — так можно было бы предположить а priori, и так, может быть, и было раньше. Но со времени революции дело значительно ближе к Тибету.

Монгольское ламство со времени революции потеряло многие из своих позиций, и это заставило его замкнуться и оградиться. Особенно же его настороженность, естественно, концентрируется вокруг человека, который хочет не только знакомиться с ламами, но и проникнуть через них в самую сущность их веры и мировоззрения¹³. Вскоре после моего приезда и первых же разговоров с ламами ко мне явились (как это впоследствии выяснилось при участии Ц.Ж. Жамцарано) «разведчики» от каких-то точно неизвестных реакционных ламских центров, которые осматривали моё жильё, экзаменовали и т.д. Как я выяснил из разговоров с другими ламами, мои ответы при «экзамене» были с «догматической» точки зрения правильны. Но мои экзаменаторы стали распространять про меня в Гандане слухи о том, что я рһуі го! ра¹⁴, прибыл с целью изучить веру ради её разрушения и т.д.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3, д. 218, л. 19–23а.

¹¹ Коллеги Тубянского, ученики Ф.И. Щербатского, работавшие над изучением буддийских текстов в бурятских монастырях в рамках командировок Института буддийской культуры. Востриков Андрей Иванович (1902–1937), востоковед, тибетолог, автор труда «Тибетская историческая литература» (1962). Обермиллер Евгений Евгеньевич (1901–1935) — востоковед, тибетолог, перевёл с тибетского ряд важных буддийских сочинений.

¹² Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921) — дипломат, ориенталист, публицист, поэт, известный собиратель буддийских коллекций.

¹³ Впрочем, и С.А. Кондратьеву, который этих целей себе не ставит, пришлось в Урге столкнуться с тем же явлением. Ламы, которые ходят к нему играть в шахматы, также делают это тайком. (Прим. М.И. Тубянского).

¹⁴ Тиб.: иностранец, иноверец.

Но даже если бы и не их деятельность (факт такой деятельности установлен точно), всё равно меня считают «красным русским» и потому боятся. Мне пришлось посетить несколько крупных ганданских лам, и когда они меня принимали, их ученики закрывали ворота двора и становились у них на стражу (так было у Чойнзин-цорчже и у Зава-Дамдина¹⁵). Если так боятся люди, которым — как про них говорят их ученики — «нечего бояться», то тем более боятся самые эти ученики. Кого они боятся? — консервативного общественного мнения, которое в Гандане всесильно.

Благодаря всем этим обстоятельствам, не только затруднён вход в Гандан и изучение Гандана как такового (что не является моей основной задачей, хотя и очень желательно), но почти неразрешимым делается, на первых порах, нахождение настоящих учителей. Конечно, учителя монгольского языка можно найти, но ламу, который знал бы книги и захотел бы их преподавать, — за деньги¹⁶ найти нельзя. Можно только в обмен на санскрит. Желающих изучать санскрит не так много; затем, число возможных учителей уменьшается ещё от того, что ведь учитель должен быть лишён политических предрассудков. Наконец, из тех лам, что интересуются даже санскритом и не боятся русских, надо найти такого, который интересуется не только грамматикой, а кроме того, хорошо начитан в области философии.

В результате всех этих затруднений у меня вначале не раз опускались руки, и моя командировка в некоторые моменты начинала казаться мне каким-то издевательством судьбы, но удерживало меня сознание цели: ганданская учёность, действительно, на очень большой высоте, и я вполне убедился в правоте утверждения Б.Я. Владимирцова¹⁷, который говорил, что она гораздо выше, чем в бурятских монастырях. Это подтвердил в разговоре и Агван Доржиев¹⁸. И, как ни трудно, как ни рискую я вследствие всех этих затяжек вызвать неудовольствие в Академии, я, всё вновь и вновь проверяя правильность своего решения и твёрдость своей воли возвращался на свою позицию упорства. Я не могу отступить не только потому, что это будет крушением моей личной судьбы как буддолога, но и потому, что я сюда послан; я рассматриваю это как поручение от лица не только Академии, но и русской науки. **Лучше я нарушу целый ряд формальных требований, чем откажусь от выполнения той задачи, которая не укла-**

¹⁵ Чойнзин-цорчже и у Зава-Дамдин — монгольские ламы монастыря Гандан.

¹⁶ Все подчеркивания и выделения в тексте письма принадлежат М.И. Тубянскому.

¹⁷ Владимирцов Борис Яковлевич (1884—1931) — академик, востоковед, монголист, был почетным членом монгольского Учкома, учил Тубянского монгольскому языку.

¹⁸ Доржиев Агван (1853—1938) — бурятский лама, дипломат, выдающийся буддийский деятель. Был учителем XIII Далай-ламы Тибета, осуществлял государственные связи между Тибетом и Россией. Был близок с ак. Ольденбургом, ак. Щербатским и другими российскими востоковедами, буддологами, оказывал им помощь и поддержку в исследованиях буддийской культуры и региона Центральной Азии.

дывается, быть может, ни в какие официальные формулировки, но которая единственно может быть реальным двигателем в жизни. Чем непрístupнее твердыня Гандана¹⁹, тем больше возрастает моё упорство; Гандан того стоит, и всё, что он упорно скрывает, тем более того стоит. Я готов ради этой цели на всякие усердства.

Конечно, главная моя цель, если говорить о ней в широком смысле слова (т.е. не останавливаясь пока на конкретных задачах) — это индийская философия. Но триада стран — Индия, Монголия, Тибет связаны не только тем, что индо-буддийская мысль нашла в этих северных странах достойную почву; тибетско-монгольский буддизм не только *Nachwirkung*²⁰ индийского, но и путь к последнему. Это мне конкретно раскрылось на той практической задаче, которую я себе ставил: на изучении Сидданта²¹.

Самая полная в тибетской литературе сводка индо-буддийской философии Сидданта Жамьяна Шадба, одно из главнейших произведений тибетской учёности. Но есть ещё тибетская литература и на почве Монголии, и вот, оказывается, ганданский учёный Агван Балдан создал, в своём *mtshan 'grel*²² к Сидданте Жамьяна труд, не уступающий по уровню Жамьяну, значительно превосходящий по размеру Сидданту последнего, и дающий к ней настолько значительные и существенные дополнения, что без него обойтись совершенно невозможно. Таким образом, наиболее всеобъемлющий, грандиозный труд по индийско-буддийской философии создан и напечатан именно в Урге. Его автор Агван Балдан жил в первой половине прошлого века и создал, помимо упомянутого, ряд ценных трудов, которые даже не все ещё напечатаны. Среди них — интереснейшая автобиография, которую я достал в рукописи (автограф ещё не напечатан), комментарий к Ума-жуг²³ и др., труд о Семзамба²⁴, о различии тибетских школ цанида²⁵ и др.

Таким образом, приступ к Сидданте Жамьяна неожиданно раскрывает наличие аналогии между традициями: Япония—Китай—Индия и Монголия—Тибет—Индия, аналогии не абстрактной, каковая давно известна, а позволяющей ставить исследованию конкретные задачи. Правда, между тем взаимоотношением

¹⁹ Гандан доставляет хлопоты не только мне: он представляет внушительную политическую силу и оказывает робкой секуляризационной политике Монгольского правительства громадное сопротивление, несравнимое с сопротивлением бурятских монастырей. (Прим. М.И. Тубянского).

²⁰ Нем.: последствие, последствие.

²¹ Санскр.: история философской мысли, жанр буддийских текстов.

²² Тиб.: комментарий.

²³ Тиб.: введение в философию срединности; санскр.: мадхьямака-аватара, наиболее значительно произведение философской школы мадхьямака-прасангика (школа вывода в философии срединности) великого индийского философа Чандракирти.

²⁴ Тиб.: философская школа «только-ума» (иначе — йогачара).

²⁵ Тиб.: философия.

первых трех стран, которое установил Оттон Оттонович [Розенберг]²⁶, и тем, которое имеется во второй триаде, есть разница: в Китае в настоящее время философская традиция буддизма заглохла, тогда как в Тибете она сильнее, чем в Монголии. Но, ввиду недоступности Тибета, аналогия опять выравнивается.

Мне неизвестно, занимался ли кто-нибудь историей цанидской литературы в Монголии; кажется — нет. Во всяком случае, мне необходимо, ради Балдана, дать хотя бы минимальную ориентировку в этом вопросе, если я хочу вывести его перед форумом европейской науки; я собрал и продолжаю собирать ряд сведений в этой области и по крайней мере библиографическую и хронологическую сводку я смогу дать, не считая многочисленных произведений монгольских лам (по-тибетски, разумеется), которые я заказал и заказываю для Академии. Число выдающихся людей среди них довольно значительно, и, по отзывам, имеется около шести философов не меньшего калибра, чем Дандар Лхарамба²⁷. Очень важно и то, что сила традиции не ослабла, и в Гандане и сейчас имеются первоклассные учёные, труды которых ещё не печатаются; на первом месте Чагдор и Зава Дандин (последний теперь живёт в другом монастыре).

Такова первая группа необходимых вспомогательных работ для изучения Сидданта Жамьян Шадба — Балдана. Но тибетец Жамьян Шадба требует опять-таки и для своего текста других неизбежных вспомогательных работ. Его Сидданта не только полна цитат по Данжуру²⁸, но, сверх того, содержит обширную полемику с тибетскими авторами и ссылки на ряд позднейших тибетских текстов. Эта полемика и ссылки выходят даже за пределы школы Гелугпы²⁹, хотя и незначительно. Но главный враг, против которого Жамьян борется, — это Дагцан-лозава³⁰, бывший в своё время ожесточённым критиком Зонкавы. Всё это требует ряда дополнительных справок и исследований в области, где ещё ничего не сделано.

²⁶ Розенберг Оттон Оттонович (1888—1919) — японист-буддолог, ученик Ф.И. Щербатского, автор «Проблемы буддийской философии» (где и когда издано?). В 1912—1916 гг. изучал буддийскую традицию в Японии.

²⁷ Вот их имена: Балдан, Дан-донмэ Чойнзад, Жамцо-лабон, Тогтаг-лабон, Жедорхамбо (поэт и мистик, меньше философ), Церин-цорже, Оргочи-лама — автор комм[ментария] на паньча скандха, Дандар Агримба (с ним, кажется, Вы виделись). (Прим. М.И. Тубянского).

Панчаскандха — название текста Дигнаги.

²⁸ Раздел буддийского Канона, состоящий из классических комментариев к Слову Будды (Ганжуру).

²⁹ Одна, и наиболее крупная, традиция из основных четырех традиций тибетского буддизма, основанная ламой Чже Цонкапой (в монг. произношении, которое воспроизводит Тубянский, Зонкава или Дзонкава).

³⁰ Буквально: «переводчик Дагцан» — философ не-гелугпинской традиции, по-видимому, XVI в., времен Чже Цонкапы, из школы Сакья.

Необходимо параллельно собрание хотя бы минимальных тибетологических пособий, как то: 1) хронологии; 2) библиографии; 3) главнейших фактов по истории умственной жизни Тибета. Хронология Барадийна где?³¹ Вполне подошла бы, если бы она была напечатана; точно так же, как и заготовленный мною, совместно с Ниной Аркадьевной³², индекс к хронологии Сумба-хамбо³³, переведённой Васильевым³⁴. 2) По библиографии мною составлен, но ещё не отделан предметный указатель к «Библиографии Гелугпы» Лондол-ламы³⁵. По истории же тибетской мысли никаких пособий нет, и приходится сколачивать предварительные схемы из разных обрывков разнородных сведений и разрозненных цитат.

Третья группа вспомогательных работ относится к области языка тибетских (как и монгольских) цанидских школ. Вполне уверенная, филологически безупречная обработка обширных тибетских текстов, не переводных с санскрита, требует полного и точного учёта тибетского схоластического словарного фонда³⁶. Ключом к чему является так называемые «Дуйра» — учебники по введению в философию, дающие не только словарь, но и синтаксис и стилистику философской беседы. Полная разработка их является необходимой задачей, но задачей крупной; минимальный характер имела бы обработка какого-нибудь сжатого пособия словарного типа. Насколько я мог пока установить, есть только две работы, вполне подходящие для этой цели: Зонхавы и Сумба-хамбы. Второй у меня здесь пока не имеется, но философский словарь Зонхавы³⁷ (расположенный по материям) благодаря своей авторитетности и краткости — идеален для начала. Мною составлен к нему полный алфавитный индекс с выпискою всех дефиниций и классификаций. Параллельно я занимаюсь, однако, и более обширными Дуйрами: т.н. Радод-Дуйрой и, в особенности, Дуйрой ганданского учёного Лобсан Даши, которая, пожалуй, наиболее подошла бы для перевода.

Четвёртая группа вспомогательных работ — выяснение монгольской философской терминологии. Эта терминология нужна для надлежащего использования переводов, содержащихся в монгольском Данжуре, и др., а также очень часто

³¹ Барадийн Базар Барадиевич (1878—1937) — бурятский востоковед, буддолог.

³² Нина Аркадьевна — Тубянская, жена М.И. Тубянского, до замужества Бухарина.

³³ Сумба-Хамбо Еше Балчжор (1704—1788) — автор ряда трактатов, наиболее известен как автор исторической хроники Пагсам-чжонсан.

³⁴ Васильев Василий Павлович (1818—1900), академик, китаист, востоковед, буддолог, положивший начало российской буддологической традиции.

³⁵ Лондол-лама Агван-Лобсан (1719—1796) — выдающийся историк, философ и автор текстов по буддийским системам йогической практики в школе Гелуг.

³⁶ Столь же необходимо это и в чисто практическом отношении: для занятий с ламами. (Прим. М.И. Тубянского).

³⁷ Sde bdun la 'jug pa'i sgo don gnyer yid kyi mun sel. (Прим. М.И. Тубянского).

Тиб.: Дверь, вводящая в Семь [Трактатов Дхармакирти], [текст] просветляющий тьму устремленных умов».

бывает нужна при устных занятиях с ламами. Мною закончен индекс (трёх-язычный) к Nyayabindumula и подготавливается такой же к Prajnamula³⁸ и др. Этими работами очень интересуется Ц.Ж. Жамцарано (мало того, я делал их по его заказу, так как мне вследствие исчерпания академических денег приходится искать другие заработки. Очень хорошо, что я нашёл для этого заработка работу, которая и мне самому нужна).

Наконец, пятая группа вспомогательных работ — работы по санскритизации. Как ни ценен индекс Обермиллера, им охвачен всё же сравнительно небольшой словарный материал. Гораздо больше разных собранных материалов даёт Tattvasamgraha³⁹, для начала хотя бы только mula⁴⁰. Неиспользование санскритско-тибетских соответствий, открываемых этим текстом, сделает переводы с тибетского, предпринимаемые мною, не up to date⁴¹.

Я считаю эти вспомогательные работы важными и представляю себе вообще свою задачу здесь по аналогии с задачей покойного Оттона Оттоновича [Розенберга] во время его пребывания в Японии: создание введения в изучение буддизма по тибетскому и монгольскому источникам. (Из этого не вытекает, что мне необходимо непременно просидеть здесь подряд четыре года; но я очень хотел бы, чтобы за мною признана была большая задача, требующая спокойной работы в течение продолжительного времени).

Что до самой Сидданты, то работа над ней пока движается довольно медленно ввиду сложности вспомогательных работ, и необходимо чтение разных параллельных Сиддант и тех текстов, по которым Жамьян [Шадба] цитирует (Tarkajvala!⁴²) и с которыми полемизирует. Между прочим, его враг, Дагцан Лозава, автор не только особой Сидданты, но и труда по истории наук в Индии; это — интересная работа, но вполне обработана может быть только впоследствии. По Жамьяну и параллельной Сидданте Жанжа-хутукту⁴³ мною давно уже разработана глава о материалистах, и я не могу её прислать в готовом виде из-за отсут-

³⁸ «Коренные» тексты по логике (Nyayabindumula — «Капля логики» Дхармакирти) и «философии срединности», мадхьямаке (Prajnamula — Madhyamaka Prajna Mula Karika: «Базовый текст в строфах по философии срединности, под названием Мудрость» Нагарджуны).

³⁹ Текст индийского буддийского философа Шантаракшиты (VIII в.), представляющий обзор истории философских школ (т.е. Сидданта) буддийских и небуддийских систем. Наиболее известный комментарий на этот текст написал ученик Шантаракшиты Камалашила (VIII в.).

⁴⁰ Санскр.: корень — термин, означающий «коренные», базовые тексты, составившие основу для дальнейших комментариев.

⁴¹ Англ.: не соответствующей требованиям настоящего момента.

⁴² Философский текст «Гламя аргументации» Бхававивеки, индийского буддийского ученого (VI в.), основоположника философской системы сватантрика в рамках философии мадхьямака.

⁴³ То есть lchang skya rol ba'i rdo rje.

ствия ряда индологических пособий. Мною выписана сюда от Nagasovitz'а литература об индийских материалистах; ряд книг от Nag.[asovitz] для Учкома уже прибыли, но этих ещё нет. Моя работа о материалистах будет довольно обширна: она включит перевод главы Жамьяна; комментария Балдана (около 30 л.) и дополнений из Tarkajvala и Tattvasamgraha; кроме того, я дам обширное введение в двух отделах: 1) о сиддантах; 2) об индийском материализме.

Я читал ещё из Сиддант, параллельно с Вашим переводом Abhidharmakosa, главы о Вайбашиках, меньше — о Саутрантиках и Йогачарах. Что мне более всего хотелось бы, — это разработать Vijñānavada⁴⁴; оказывается, что основными работами по семзамбе у тибетцев считаются даже не соответствующие главы Сиддант, а Legs bshad snying po⁴⁵ Зонкавы и его же труд о vijñānavada (kun gzhi rtsa ba⁴⁶). Среди моих знакомых есть один знаток этих работ Зонкавы. Но это преждевременно; до семзамбы надо всё-таки сначала хорошо усвоить bye brag smra ba и mdo sde ba⁴⁷. С другой стороны, некоторые из классических индийских текстов обработаны, возможно, уже и теперь, и поэтому я намерен, параллельно с Сиддантой, в первую же голову после окончания работы над материалистами пройти Alambanapariksha⁴⁸, Panchaskandha⁴⁹. Для последней есть отличный комментарий Оргочи-ламы, а для первой Дандара.

Что касается Nyuayaravasha, то начатая мною работа по прежнему плану уже не может быть закончена, так как тибетский текст уже вышел в Индии. Я поэтому думаю, что придётся на год просить о сохранении прежнего набора, пока я не сделал вот чего: я хочу начать Nyuayadvara Дигнаги по-китайски, с истолкованием на основании тибетских источников⁵⁰, тогда Nyuayadvara будет основным текстом, а Nyuayaravasha — приложением. Для того мне нужен китайский

⁴⁴ Философия идеалистической школы йогачара (иначе — читтаматра, виджнянавада). М.И. Тубянский заинтересовался этой школой в Монголии, но сам Ф.И. Щербатской, привлекая к сотрудничеству Е.Е. Обермиллера, также сосредоточился на изучении йогачары. Результатом этого был ряд статей и перевод Е.Е. Обермиллером работы Чже Цонкапы Legs bshad snying po (Суть прекрасных наставлений).

⁴⁵ Полное название — Drang nges legs bshad snying po (Суть прекрасных наставлений о том, что имеет прямой и интерпретируемый смысл), работа Чже Цонкапы, представляющая систематический анализ философии йогачары.

⁴⁶ Полное название этого текста Чже Цонкапы — yid dang kun gzhi'i dka' ba'i gnas rgya cher "grel pa legs par bshad pa"i rgya mtsho («Море прекрасных наставлений, комментирующих трудные пункты ментальности (манас) и «основы-всего» (алая)»).

⁴⁷ Тиб.: Вайбашика и Саутрантика — две низшие школы буддийской философии.

⁴⁸ Alambanapariksha я уже отчасти проработал. (Прим. М.И. Тубянского). Аламбанарикша — «Исследование опоры [познания]», сочинение Дигнаги.

⁴⁹ Panchaskandha — сочинение Дигнаги. Розенберг О.О. Проблемы буддийской философии. (1918).

⁵⁰ Китайский комментарий не имеется, см. Розенберг, Проблемы, стр. 345. Японский комментарий неважен. (Прим. М.И. Тубянского).

Нууаадвага; я его выписал из Японии, но не знаю, скоро ли получу; хочу просить рукописную копию из Азиатского музея.

Вообще, пока гносеологии я сравнительно мало уделял внимания, и потому у меня несомненно гораздо меньше возможности для ответа на Ваш вопрос о *grahya* и *grahaka*⁵¹, чем у А.И. Вострикова. С другой стороны, здесь у меня нет под руками Васильева, и я не помню точно, что он говорит. Главная трудность, по-видимому, в том, что точно неизвестно, как именно у Дигнаги и Дармакирти совмещаются позиции додэва и семзамба⁵². С точки зрения Додэва, вопрос об общем источнике *grahya* и *grahaka*, действительно, как видно, неразрешим; у них — коренной дуализм, для иллюстрации отношения представления к его предмету — реальному предмету берется отражение в зеркале (Дандар Лхарамба, *Dmigs brtag pa'i 'grel pa* Гумб. изд., р. 7в, л. 1). Познание — реальный процесс, форма предмета некоторым образом входит в сознание извне. Но зато вполне убедительный ответ на вопрос о единстве *grahya* и *grahaka* даёт система семзамба в словах Дигнаги из *Dmigs brtag*:

de ltar yul gyi ngo bo dang
nus pa phan tshun rgyu can dang
thog med tus nas 'jug pa yin⁵³

Их Дандар поясняет так: *des 'ga' ni nus pa ste rigs mthun gyi bags chags yongs su smin pa las rnam par shes pa yul gyi rnam pa nyid du 'byung la, des 'ga' ni yul de'i rnam pa can gyi shes pa las nus pa skyeo*⁵⁴ (*ibid*, р. 19а, l.5, ff.)

Ещё лучше у того же Дандара (там же, стр. 10аб 3f): *sngon po snang ba'i dbang shes de nyid bag la zha tshe nus pa'i ngo bor 'pho zhing nus pa de yang slar smin pa na cha gcig sngon 'dzin cig shes la snang ba'i sngon po dang cha gcig sngon po'i rnam pa can gyi mig shes su gyur pa yin pa'i rgyu mtshan gyis sngon po dang sngon 'jin mig shes gnyis nyer len gyi shes pa'i rdzas gcig las skye ba'i phyir rdzas gcig ces bya zhing*⁵⁵ etc.

⁵¹ Санскр.: букв. схватываемое и схватывающее, то есть объект и субъект познания.

⁵² Тиб.: Саутрантика и Читтаматра (Йогачара).

⁵³ Перевод с тиб.: «Так природа (форма) объекта и потенциал составляют причину друг для друга и входят с безначальных времен».

⁵⁴ Перевод с тиб.: «Некоторые (говорят): потенциал — значит сознание (виджняна), возникающее в форме объекта из совершенно вызревших отпечатков (васана) соответствующего (того же) типа. А некоторые (говорят): потенциал зарождается из сознания, обладающего формой этого объекта».

⁵⁵ Перевод с тиб.: «Чувственное восприятие явления синего, когда оно латентно (пребывает в спящем состоянии), переходит в потенциальную форму, когда эта потенция снова вызревает, тогда одна часть — это синева явления для некоего сознания, схватывающего синее, и еще одна часть — это зрительное сознание, обладающее формой синего, то есть поскольку (всё это) происходит из одного субстрата сознания, принимающего эти два: причинную синеву и зрительное сознание, схватывающее синее, то называется одним субстратом».

Здесь, таким образом, ...разделяется в безначальном процессе их grahya и grahaka. (Отсюда и определение Pratyaksha⁵⁶ у mdo-sde-ba⁵⁷: tshad ma gang rtog bral ma 'krul ba'i shes pa⁵⁸ (Жанжа-думдга, Пек. изд., р. 89а, 1) не удовлетворяет sems tsam pa⁵⁹, у коих оно гласит: tshad ma la rtog pa dang bral zhing bag chags grtan byung gi shes pa⁶⁰ (ibid. р. 133b, 2—3) Изначальную vasana в известном смысле можно счесть за абсолют, поскольку в буддизме функции теистического абсолюта творение (или рождение мира) + спасение разделены⁶¹ и приурочены к двум отдельным носителям: vasana⁶² и нирвана или Будда.

Ещё раньше Вы спрашивали меня о монгольском тексте некоторых сутр Nyayabindu. Я Вам его не присылал и должен просить извинения по поводу этой задержки, но я уверен и даже ручаюсь, что он ничего не может прибавить, т.к. представляет собою сокращение буквального перевода с тибетского; он может быть полезен для понимания текста только, если тибетский текст труден синтаксически. Вот образец монгольского перевода одной из сутр N.V. (II, 15)

[Нерасшифрованная строка параллельной тибетско-монгольской записи] (Монг. текст взят из М.[онгольского] Данжура, том се, р. 485b.)

Я не писал долго Вам, потому что думал в начале каждого месяца, что вот-вот смогу прислать что-нибудь законченное. Инстинктивно я осуществлял тот самый план работ, который изложен выше, но вполне отчётливо он предстал мне как единственно возможный лишь недавно. Подводя итог вышесказанному, я обращаюсь через Вас с просьбой к Монгольской комиссии о предоставлении мне продления командировки на срок до 1 марта 1929 года для окончания следующих работ, начатых мною и не могущих быть законченными до сих пор:

1. * Обзор литературы цанида в Монголии;
2. * Предметный указатель к библиографии Гелугпы по Лондол-ламе.
3. * Словарь буддийской философии по Yid kyi mun sel Зонкавы.
4. — Указатель монгольских терминов к Nyayabindu, Prajnyamula и др.
5. * Die Lehren der indirchen Materialisten nach tibetischen Quellen⁶³.
6. Alambanapariksha von Dignaga, herausgegeben und ubersetzt, mit dem Kommendar des Bstan-dar (Grundtext tibetisch, chinesisches und mongolisch)⁶⁴.

⁵⁶ Санскр.: непосредственное восприятие.

⁵⁷ Тиб.: саутрантика.

⁵⁸ Перевод с тиб.: «Это то правильное познание, которое является свободным от дискурсивности и безошибочным знанием».

⁵⁹ Тиб.: чигтаматринам.

⁶⁰ Перевод с тиб.: «Относительно правильного познания — знание, которое свободно от дискурсивности и с устойчивыми отпечатками (vasana)».

⁶¹ Например, yogavasistha, начало: yatah varvani bhutani pratibhanti... yatraivopashaman yanti: начало и конец — одно. (Прим. М.И. Тубянского).

⁶² Санскр.: (психические) отпечатки.

⁶³ Перевод с нем.: изучение индийских материалистов по тибетским источникам.

⁶⁴ Перевод с нем.: Алабанпарикша Дигнаги, редактирование и перевод, с комментариями Дандара (оригинальные тексты на тибетском, китайском и монгольском языках).

7. Nyayadvara von Dignaga, chinesischer Text, übersetzt und erklärt nach tibetischen Quellen⁶⁵.

8. Pancaskandha von Dignaga, tib. Text mit den Kommenter des or go chi bla ma und viersprachlichen Indices, herausgeg und übersetzt⁶⁶.

9. Vijnaptimatra nach den tibetischen Siddhanta's dargestellt⁶⁷.

Здесь работы, отмеченные *, почти готовы (нуждаются во внешней отделке). Работы, отмеченные «—», сделаны примерно наполовину. Работы не отмеченные находятся в стадии собирания материалов.

Кроме вышперечисленных, я выполняю ещё следующие работы: редактирую составляемые индексы к Mahavyutpatti⁶⁸ и Mkhas pa'i 'byungs gnas⁶⁹ и преподаю санскрит ламам, причём попутно перевожу Бюлера⁷⁰ на тибетский язык (переведено 15 лекций).

Отсюда есть возможность заказа книг непосредственно из Тибета, я хотел бы просить о предоставлении мне для этой цели некоторой суммы (примерно 300 руб.). Я предполагаю заказать сумбум Цзонкавы yab sras⁷¹ из Дашилхунбо⁷² и другие вещи. Было бы желательно мне в спешном порядке узнать Ваши desidераты⁷³. Монгольских изданий я привезу много.

Знаете ли Вы, что Рериха в Лхасу не пустили⁷⁴? Он провёл несколько месяцев неподалеку от Нагчу, а затем трудным путём проследовал в Индию; теперь... в Дели, где им построен буддийский храм и приглашено из Тибета 30 лам.

Теперь, когда характер и план моих работ выяснились, мне остаётся только ещё выяснить отношение к ним Академии; я хочу надеяться на благоприятный исход. В Университет, Институт и Азиатский музей я послал и посылаю прошения

⁶⁵ Перевод с нем.: Ньяядвара Дигнага, китайский перевод текста и объяснения в соответствии с тибетскими источниками.

⁶⁶ Перевод с нем.: Панчаскандха Дигнаги, тибетский текст с комментарием Оргчи-ламы, четырехязычный, с индексами, редактирование и перевод.

⁶⁷ Перевод с нем.: Виджняптиматра, как она представлена согласно тибетской сиддханте (истории философских школ).

⁶⁸ Махавьютпатти — санскрито-тибетский словарь буддийских терминов, включенный в тибетский Канон.

⁶⁹ Тиб.: «Источник мудрецов» — тибетско-монгольский терминологический словарь (XVIII в.).

⁷⁰ Речь идёт об учебнике Бюлера: Бюлер Г. Руководство к элементарному курсу санскритского языка (1923).

⁷¹ Тиб.: Полное собрание сочинений Цзонкапы с духовными «сыновьями».

⁷² Один из крупнейших монастырей Тибета, традиции Гелуг, рядом с г. Шигацзе, основан в 1447 году первым Далай-ламой. Являлся резиденцией Панчен-лам Тибета.

⁷³ Списки заказываемых Тубянским книг.

⁷⁴ Речь идёт о центральноазиатской экспедиции Н.К. Рерихов (1924—1928), которая хотела попасть на территорию Центрального Тибета, не имея официального разрешения, и была остановлена на северном плато Танг-ла.

о продлении отпуска. Вам я бесконечно благодарен за Ваши письма, которые Вы послали мне, несмотря на моё молчание, и за всё Ваше отношение ко мне. Одновременно я пишу С.(ергею) Ф.(ёдорови)чу (Ольденбургу) и Б.(орису) Я(ковлеви)чу (Владимирцову). Очень надеюсь, что мой план будет принят и что удастся теперь возобновить нормальные отношения с людьми, которые прерваны были в то время, как и я не знал, удастся ли мне что-нибудь сделать. Очень жду от Вас ответа.

Привет Екатерине Аполлинариевне.

Глубоко преданный Вам Мих[аил] Тубянский.

Привет от Нины Аркадьевны⁷⁵.

29.IX.1928

24 октября 1931 г.⁷⁶

Дорогой Фёдор Ипполитович!

Я очень огорчен тем, что Вы меня забыли. На мои письма ответов не было, Андрей Иванович [Востриков] тоже не ответил. На мои запросы относительно книжных дезидератов за всё время также не было никакого ответа.

Я здесь живу и работаю, в этом году надеюсь приехать в Ленинград. Хочу сообщить Вам, что я здесь нашёл довольно интересные монгольские тексты, а именно ряд переводов (ойратских), сделанных Цзая-пандитой⁷⁷, в том числе и полный перевод книги Будона⁷⁸, над которой работает Обермиллер. Кроме того, мне посчастливилось найти здесь и ряд санскритских текстов, например, полный рукописный текст Бодичарьяаватара⁷⁹, и, мало того, ряд неопубликованных текстов, а именно Gunaratnasamśayaḥ⁸⁰ — входящий в состав Ганчжура один из основных текстов Махаяны, в известном смысле исходный текст для Abhisamayalankāra⁸¹, и в то же время представляющий собой сжатое изложение

⁷⁵ Тубянская (Бухарина) Нина Аркадьевна.

⁷⁶ СПб Ф АРАН. Ф. 725. Оп. 3, д. 218, л. 24—24а

⁷⁷ Иначе Зая-пандита (ок. 1599—1662) — ойратский (калмыцкий) просветитель, переводчик буддийских текстов, религиозный деятель, создатель алфавита «тодо бичиг» («ясное письмо») на основе старомонгольской письменности.

⁷⁸ Будон Ринчендум (1290—1364) — тибетский учёный, известный, прежде всего, своей «Историей буддизма».

⁷⁹ Полное название — Бодхисаттва чарья аватара (санскр.): «Введение в деяния Героев Пробуждения» — текст великого индийского буддийского учителя Шантидевы (691—743).

⁸⁰ Prajñā-paramitā-ratna-guṇa-saṃśaya — сводка по текстам Праджня-парамиты (Запредельной мудрости), изложенная в стихах. По найденному М.И.

Тубянским в монастыре Манджушри-кит в Монголии тибетскому тексту была подготовлена публикация Е.Е. Обермиллера, воспроизводящаяся до наших дней.

⁸¹ Текст Майтреи-Асанги — комментарий к сутрам Праджня-парамиты (Запредельной мудрости).

Aṣṭa-sahasrikaprajnap[aramita]⁸². Далее, я нашёл четыре оды Нагарджуны, почти совпадающие с Catuḥstava⁸³ (за исключением одной), вместе с ними и старинный тибетский перевод их, не вошедший в Данчжур. Далее я нашёл санскритский словарь (Коша), приписываемый Нагарджуне, который до сих пор должно быть не был найден; последнего обстоятельства я не мог проверить. Текст его немного попорчен, но вот, к примеру, вторая строфа вступительной молитвы, по ней Вы сможете определить, известен ли уже этот текст:

Ya devii stuyate nityam/ vivdhair dharmapariagaih/ sa me bhavatu jihvagre/
brahmaruupa sarasvatii.

Кроме того, есть ещё и несколько небольших тантрических текстов. Я слышал, что Bibliotheca Buddhica⁸⁴ прекратилась изданием. Означает ли это, что подобные находки не смогут быть опубликованы Академией?

Буду ждать Вашего ответа.

Преданный Вам М. Тубянский

Улан-Батор-хото, Монголия. Научно-Исследовательский Комитет

15. III. 1937 г.

Дорогой Фёдор Ипполитович!

Сразу же после Вашего отъезда я сделал несколько попыток повидаться с Горбуновым. В первый раз мне сказали: «позвоните через пару дней — сейчас занят», а на следующий раз: «Он сам Вас искал, но сейчас он болен, позвоните через пару дней». На третий раз: «Он только сегодня оправился и вышел в первый раз на работу, позвоните завтра». На четвёртый раз: «Он опять заболел, позвоните через пару дней». Это всё — совершенно буквально.

С другой стороны, интересно, что на заказное письмо, отправленное мной Самойловичу ещё до Вашего приезда, ответа до сих пор нет.

Что касается выписки книг, то мне очень важно было бы получить то, о чём я Вам уже писал: 1) Kanha et Saraha, «hauts mystiques», изд. Shagidullah (по бенгл., скр. и франц.), Париж, Kadnefus, 1929; 2) Bauddha Gan o Dohaа, по бенг. и скр., изд. Narapradaad Saastrii.

Относительно срока моего приезда в Ленинград, я смогу что-нибудь сказать только после свидания с Горбуновым.

С сердечным приветом, Преданный Вам Мих. Тубянский.

⁸² «Сутра Запредельной мудрости в восьми тысячах строфах», считается базовым, то есть наиболее ранним из длинных сутр Праджня-парамиты текстом (предположительно 1 в. до н.э.).

⁸³ Собрание из четырех гимнов (Локатита, Нираупамья, Ачинтья, Парамартха), приписываемое великому индийскому философу Нагарджуне.

⁸⁴ Bibliotheca Buddhica — научная серия буддологических публикаций, созданная С.Ф. Ольденбургом для издания оригинальных и переводных буддийских текстов. С 1897 по 1937 гг. было выпущено 30 томов (большинство в нескольких выпусках).

23.VII.1937 г.

Дорогой Фёдор Ипполитович!

Оказывается, перевод *Lankavaataarasuutra* существует: переводчик тот же Сузуки; издано в Лондоне (Routledge) в 1932 г., по-видимому, у нас он не получен до сих пор. Думается, что надо бы его выписать, тем более, что он имеет приложения, со ссылками на четыре китайских перевода, то есть детально обработан.

Двадцать шестого я буду в городе, постараюсь попасть к Вам около 1 ч. дня.

Ваш Мих. Тубянский

P.S. И что такое Tucci, «Studi Mahayanici»?»

Summary

Archives of M.I. Tubiansky

Preface, Notes and Preparing to Publication

by M.N. Kozhevnikova

Archives by M.I. Tubiansky (letters to R.I. Sheinman, acad. Th.I. Stcerbatsky and S.F. Oldenburg) concern three phases of his life: education at SPb university, different fields of professional activity at Petrograd-Leningrad, Mongolian period and last year at Leningrad. This collection of letters is an important source for description of his personality and scientific interests in the field of philosophy and oriental studies.

Key words: Archives of Orientalists IOM RAS, M.I. Tubiansky, Th.I. Stcerbatsky, S.F. Oldenburg.